

Рядовой человек на культурном раздорожье

Аннотация

В статье рассматриваются вопросы вовлечения Украины в мировую практику использования культуры как экономического ресурса. Анализируются особенности этого процесса в отечественном культурном поле. Отдельное внимание уделено рассмотрению отношения реципиентов к изменениям в культурных и художественных практиках. В частности, речь идет об усилиях идеологов культурных индустрий по популяризации и продвижению современного искусства в отечественное художественное пространство.

Ключевые слова: *культурная экономика, креативная индустрия, художественные практики, современное искусство*

Исполненные драматизма десятилетия независимой Украины отмечены коренными социально-экономическими трансформациями, общественными преобразованиями, реформами во всех сферах жизни — как реальными, так и декларируемыми, а также прочими сдвигами. Отечественную культуру тоже затронули волны новаций, призывы к переосмыслению прежних достижений, к отказу от определенных смысловых конструкций и пересмотру их ценностного наполнения. Одна из критических оценок в адрес культуры состояла в том, что власть всегда рассматривала культуру как инструмент для внесения в массовое сознание идеологических установок, имперских ценностей и смыслов. Однако следует отметить, что прежние провластные структуры не были первооткрывателями в своем отношении к культуре как к ресурсу, в желании использовать ее влиятельные возможности. И нынешняя власть продолжает эту традицию.

Несмотря на это, культура остается едва ли не единственным институтом общественной жизни, сохраняющим свой авторитет морального, духовного наставника. По крайней мере еще сохраняется вера и надежда, что именно

культура — это пространство преодоления многих противоречий, определяющих атмосферу напряженности и непонимания в украинском обществе.

Нужно подчеркнуть также, что высокий статус культуры, поддерживающийся на всех уровнях общественного сознания, начиная со школьного образования, способствовал тому, что культуру покрывала пелена сакральности. Почтительное отношение к достояниям культуры, к людям, причастным к созданию культурных ценностей, было прочно укоренено в общественном сознании. Никто и подумать не мог, что можно усомниться в значимости культуры как высшей ценности, потому как рисковал потерять уважение в глазах окружающих. Такое отношение к культуре можно считать составляющей национальной идентичности. И хотя со временем оно приобрело несколько ритуальный характер, пересматривать его сейчас тоже нет желающих.

Впрочем, время вносит свои коррективы и в понимание места культуры в общественной жизни, способности изменять ее, и вместе с этим появляются основания увидеть новые горизонты ее функционирования.

В частности, под давлением социальных и экономических изменений, а также объективных преобразований в культурном ландшафте обычные представления о возможностях культуры как инструмента влияния теряют свою почву, размывается цель этого влияния. Ведь деятельность в сфере культуры все больше автономизируется от руководящей руки государства, идеологических установок, политических предпочтений и т.п. Куда направлять влиятельный ресурс культуры, решают в значительной мере институты, утвердившиеся в культурной жизни в последние десятилетия — продюсеры, издатели, общественные организации, опекунские советы, наконец, сами художники. Что касается ресурса культуры как такового, то собственно ресурс, то есть то, что следует использовать по целевому назначению, и его реализация порой вызывают вопросы. Особенно это касается содержания предлагаемых ценностей, хотя цель гуманистического наполнения всех сфер жизни социума декларируется на всех уровнях.

В исследовании разных аспектов ресурса культуры, условий его реализации необходимо, на мой взгляд, учитывать историческую и социальную обусловленность понимания самого понятия культурного ресурса. Ведь есть основания говорить, что тут, как и в других измерениях функционирования культуры, действует инерция требований, оценок, теоретических установок, задекларированных при иных исторических, социальных, экономических условиях. Но содержательное направление этого ресурса изменялось, как и все другие составляющие общественного бытия. Игнорирование этого фактора порождает известные проблемные ситуации. Во-первых, речь идет о невосприятии реалий культуры в силу их несоответствия требованиям, на которых базируются ожидания касательно вклада культуры в общественное развитие. Во-вторых, за рамками рефлексии остается то обстоятельство, что эти требования формировались в другое время, при других мировоззренческих установках.

Неизменным остается фактор действенности культуры как ресурса влияния на человека и общество. Но это не означает, что в новых условиях социального бытия не изменяется вектор направленности ее воздействия. Исследуя эти изменения, нужно учитывать наличие нескольких плоскостей что касается ожиданий и реальных условий реализации культурного ресурса

са. Первой такой плоскостью можно считать ожидания и отношение со стороны властей. Ожидания властей (и нынешние не исключение) базируются на том, что культура, прежде всего художественная, остается значимым аспектом жизни украинского общества. Она, как и в прежние времена, продолжает восприниматься как мерило национальной самобытности, духовного богатства, творческого потенциала народа. Но относительно вклада властей в дальнейшее развитие культурного процесса уже стали привычными сетования на отсутствие внимания и действий в этом направлении с их стороны. Конечно, речь прежде всего идет о материальной стороне дела. Издавна известно об остаточном принципе финансирования культуры. Однако в последние десятилетия и это не предел. Налицо ситуация, когда финансирование культуры, да и всей гуманитарной сферы, отмечено устойчивой тенденцией к снижению. То есть действенная поддержка и стимулирование со стороны властей дальнейшего развития художественной культуры — вопрос проблематичный.

Вторая плоскость, где концентрируются ожидания и реализация культурного потенциала, — это деятельность создателей художественного продукта, а также всего творческого сообщества — теоретиков, экспертов, знатоков и небезразличных кругов общества. Понятно, что в среде специалистов ожидания имеют куда более широкий спектр — от стремления к тому, чтобы ресурс культуры был направлен на сохранение национальных традиций, на дальнейшее утверждение самобытности как высшей ценности до оторефлексируемых ориентаций на мировые тенденции развития в художественной культуре.

Деятели культуры и искусства восприняли послемайданные сдвиги как долгожданную возможность наконец изменить культурную политику в стране так, чтобы она стала неотъемлемой частью европейского культурного пространства. В частности, украинские художники уже много лет задаются вопросом — что мы возрождаем? Культуру традиционного украинского общества XIX века, то есть крестьянскую, или же мы строим культуру, которая бы стала органичной составляющей современных мировых трендов. Чтобы это могло произойти, чтобы реализовался ресурс культуры в данном направлении, представители творческого цеха пытаются активно участвовать в обмене опытом с зарубежными коллегами, инициировать и реализовывать качественные современные проекты для продвижения украинского культурного продукта в мире.

Вновь повторю: проблема финансирования — самая болезненная тема для отечественных художников. Но здесь они не одиноки. Где взять средства на реализацию творческих замыслов — вопрос, актуальный для представителей различных видов искусства во всех уголках мира. Для многих причастных к культуре людей уже давно стало понятно, что не нужно ждать времен, когда государство сможет предоставлять средства всем готовым творить. Имеется множество свидетельств того, что усилия энтузиастов, направленные на создание художественного продукта, приобщение к творчеству как можно более широкого круга людей, несмотря на финансовые трудности, а то и вообще при отсутствии средств, приносят свои результаты. Но эти усилия имеют предел, и доброе дело нередко сворачивается в ожидании лучших времен.

Третья плоскость касается потребителя культурного продукта. Здесь есть две стороны понимания культуры как ресурса. На одной в данном случае оказываются и власть, и творцы культуры. Каждый из них рассматривает потребителя в качестве объекта влияния. Власть, разумеется, усматривает в культуре инструмент мобилизации и направления реципиента на лояльное отношение к государственной политике, тогда как художники стремятся силой таланта вовлечь реципиента в мир своих идей, ценностей, ощущений. Потребитель же, со своей стороны, усматривает в культуре ресурс для удовлетворения собственных потребностей. Его публичные декларации касательно своего отношения к культуре как сфере реализации гражданской позиции не всегда совпадают с практикой частного потребления. Кроме того, в течение десятилетий фиксируется устойчивая тенденция в жанровых предпочтениях. Потребитель остается верен нескольким жанрам — детективам, мелодрамам, комедиям. Эти жанры относятся к разряду развлекательных, но именно они занимают первые места в ряду вкусов потребителя.

По этому поводу следует отметить, что характерные на протяжении многих лет для отечественной науки, публицистики, художественной рефлексии представления о высокой миссии культуры, которые, к тому же, хорошо корреспондировались с идеями Просвещения, в лучшем случае оставляли досуговый ресурс культуры далеко на обочине. Ведь отношение к культуре как к поставщику продукта для развлечений не вписывалось в заранее заданные параметры влияния на реципиента. Тем более, что и в теории господствовало пренебрежительное отношение к потребностям человека в релаксации, эмоциональном насыщении, в ярких впечатлениях, переживании острых ощущений.

Сегодня можно наблюдать иную ситуацию. Стремление развлечь обычного гражданина начинает доминировать во многих сферах жизни, становится частью повседневности (что не нравится ученым и части творческого сообщества). За этим стремлением просматривается вполне прагматичный интерес — использовать развлечения как приманку, как некую обертку для достижения коммерческих целей. Если развлекательные шоу на телевидении собирают большую аудиторию, то есть имеют высокий рейтинг, это хорошо для владельцев канала, прежде всего тем, что означает больше рекламы, а следовательно, и денег. Рекламодатели ценят подобные передачи как повод продвинуть свой товар или услуги на рынок. (Аналогично функционируют сегодня торгово-развлекательные комплексы, куда люди приходят семьями. Их привлекают развлечения, способствующие созданию эмоционально позитивной атмосферы, а это стимулирует процесс приобретения различных товаров.)

В целом вопрос о современных досуговых практиках и связанных с ними потребительских технологиях — отдельная тема для исследований. Отмечу только, что в определенной мере здесь можно увидеть и реализацию ресурса культуры, но в гораздо большей степени культура здесь предстает уже как ресурс для наращивания экономической эффективности.

Современный мир поражает тем, что время, необходимое для кардинальных изменений в разных сферах жизни, становится все более коротким. Прошло совсем немного времени с тех пор, когда в мире начало распространяться новое отношение к культуре как к мощному ресурсу, который может и уже изменяет жизнь будь-то отдельного поселка, городского района или

же целого региона. Речь идет о воплощении в жизнь способности культуры служить эффективным локомотивом, способным дать толчок экономическому и социальному развитию. Это движение стало формироваться в разных странах во второй половине XX века. В Украине этот процесс начался на рубеже XX–XXI веков.

Тенденции, которые начинают доминировать в культуре, отражены в программе ЕС и Восточного партнерства “Культура и креативность”. “Концепция культурных и креативных индустрий довольно нова. Она появилась всего лет 20 назад и сейчас находится на пике развития во всем мире. В странах Восточного партнерства она начала набирать обороты недавно”, — говорит Том Уильямс, руководитель программы “Культура и креативность” [Уильямс, s.a.].

Стремительное развитие новейших технологий — помимо качественных изменений во всех сферах жизни, кроме оптимизации многих видов деятельности, фантастических прорывов в сфере коммуникации и т.п. — должно привести и к исчезновению многих видов профессий и сокращению рабочих мест. Поэтому именно в сфере культуры человек сможет найти новое место в жизни, получить шанс реализовать свой потенциал. Культура может представлять и уже предстает как индустрия, открывающая широкое пространство для воплощения замыслов, порождаемым желанием выйти за рамки обычного восприятия действительности, изыскать новые возможности приложения творческих сил. В основе культурной индустрии лежит креативность как импульс к действиям. В то же время культурную индустрию можно рассматривать как таковую только при наличии экономической составляющей. Бизнес становится неотъемлемой частью культурных практик.

В мире уже накоплен значительный опыт использования культуры в качестве экономического ресурса для развития депрессивных регионов, районов в городах. Примеров успешной реализации культурных стратегий для экономического возрождения достаточно много. Достижения на этом пути фиксируются в самых разных уголках мира. Это, в частности, заброшенные промышленные помещения на острове Буда в Бельгии, где при поддержке властей города Кортейк и при активном участии творческого сообщества было создано комбинированное пространство. Сегодня там работают художники, проводятся выставки, созданы учебные заведения. Площадка открыта для любых креативных инициатив, особенно направленных на овладение новейшими технологиями, которые расширяют возможности для творчества. Немало примеров успешных преобразований в Европе благодаря освоению возможностей культурной и креативной индустрии приводит автор статьи “Опыт преобразований. Острова креативности меняют Европу” [Демченко, s.a.].

В программе “Культура и креативность” очерчены позиции в отношении возможностей культуры, которая рассматривается как ресурс. В первую очередь речь идет об экономической составляющей. Экономический показатель вклада культурного производства в европейских странах уже составляет 4,5% валового продукта, и можно ожидать, что он достигнет 10%. Кроме того, это развитие опережает рост в сфере производства и услуг. Культурный сектор демонстрирует лучшие темпы роста и эффективности в создании рабочих мест в странах Европейского Союза. Сектор культуры — третий по величине работодатель в ЕС. Для сравнения можно сказать, что

сфера культурных индустрий предоставляет в 2,5 раза больше рабочих мест, чем автопром. К тому же именно здесь создается больше рабочих мест для молодежи, чем в любой другой отрасли. В целом здесь предоставляются рабочие места для более чем 8 миллионов граждан. Совокупный доход в этой сфере равен 558 млрд евро. Только в Великобритании в этом секторе прибыль исчисляется в 11 млн евро в час [Вильямс, s.a.]. Не менее важным вкладом в экономику можно считать и то, что в этой сфере получают поддержку стартапы и инновации, а также стимулируются инвестиции в туризм.

В Украине процесс таких преобразований также наращивает обороты. Если первые шаги на пути обращения к культуре как ресурсу социального и экономического развития делали своими усилиями энтузиасты, то уже в последние два-три года все больше регионов демонстрируют желание воплотить европейский опыт в развитие различных сфер жизни.

То есть отношение к культуре как к экономическому ресурсу не только находит в Украине понимание, но и вызывает стремление прилагать конкретные усилия для его использования. Впрочем, существует множество камней преткновения на этом пути. Ведь речь идет о еще не ставшем общепринятым на отечественных просторах процессе коммерциализации культуры, об умении создавать и продвигать культурный продукт на рынок. “Ключевое слово в словосочетании “креативная экономика” — экономика, — говорит директор львовского агентства экономического развития PPV Knowledge Networks Владимир Воробей. — Здесь нужно привлекать в первую очередь не Министерство культуры, а Министерство экономического развития и торговли и Министерство регионального развития. Как помогать регионам использовать креативную экономику для развития территорий? Один из способов — создание новых рынков, новых рабочих мест, новых культурных продуктов”. Воробей приводит примеры создания, как он говорит, инструментов развития постиндустриальных пространств. Но остаются вопросы целесообразности применения того или иного способа содействия (см.: [Платонова, s.a.]). Это остается предметом дальнейшего обсуждения.

Хотя в Украине креативная индустрия уже имеет некоторые достижения, это лишь первые небольшие шаги в преобразовании культурной индустрии в значимый сектор экономики. Казалось бы, 4% ВВП, или 105 млрд прибыли, которую уже приносит нашей стране эта индустрия, — это немалые цифры, тем более, что в этой сфере занято почти полмиллиона людей. Но, как считает К.Тейлор, в действительности это незначительные показатели. Так, согласно данным британского правительства, креативная экономика Великобритании генерирует 8 млн фунтов в час. То есть за две недели британская культурная сфера зарабатывает столько, сколько украинская за год [Тейлор, s.a.].

Анализируя причины, мешающие развиваться креативному сектору в Украине, К.Тейлор называет среди них и низкий уровень толерантности, и, разумеется, коррупции. “Показатели толерантности, — считает автор, — напрямую связаны с общим состоянием культуры. И если обратить внимание не только на украинскую статистику, а на страны с похожими показателями, то станет понятно, что высокая коррупция, как правило, дает низкий уровень культуры, а низкая толерантность имеет прямое влияние на торможение в развитии творческих индустрий” [Тейлор, s.a.]. Если к этому добавить, что культурная экономика может успешно развиваться лишь наряду с развитием других секторов экономики, не следует удивляться, что она сталкивается с такими же трудностями становления, что и остальные секторы.

Кроме того, креативная экономика тесно связана с образованием, особенно с получением творческих профессий, которые могли бы дать весомый импульс сфере промышленного производства. В частности, речь идет о дизайне, который может поспособствовать конкуренции украинских товаров на внешних рынках.

Можно констатировать, что креативная экономика способна обеспечить культуре новые возможности в социальной жизни. Зарубежный опыт доказал это на практике. Он же подтверждает действенность культуры как мощного ресурса в общем движении экономического развития многих стран. Украинская культурная экономика, пусть и с трудом, но все же проявляет желание двигаться в этом же направлении.

Конечно, сосредоточение внимания на способностях культуры как экономического ресурса не означает, что игнорируются ее имманентные возможности в качестве влиятельного фактора в раскрытии творческого потенциала человека, выявлении новых граней в жизни той или иной общности. Предлагаемые пункты указанной программы значительно расширяют представление о способности культуры положительно влиять на состояние общества, на самоощущение личности. Есть несколько позиций, которые соответствуют аксиоматическим для отечественного понимания функциям культуры, таким как формирование ценностей, обеспечение преемственности в передаче знаний от поколения к поколению. В этой же плоскости обнаруживает себя задача культуры распространять идеи культурного разнообразия и толерантности. Но несколько непривычно для отечественного гуманитарного дискурса звучит то, что приобщение к художественной культуре, по мнению разработчиков программы “Культура и креатив”, способствует повышению благосостояния как отдельного человека, так и общества в целом, и человек, находясь в пространстве культуры, ощущает это как составляющую счастья, что, в свою очередь, содействует улучшению здоровья. В обществе, где созданы все условия для приобщения к культуре, стимулируется участие граждан в общественной жизни, выстраивается доверие и диалог между людьми.

Исходя из положений программы “Культура и креативность”, процесс коммерциализации культуры не только не мешает раскрывать и реализовывать возможности культуры в плане влияния на состояние общества, эмоционального обогащения и позитивного настроения, но и позволяет эффективнее воплощать все эти возможности.

Разумеется, центральное место в выполнении этих задач принадлежит искусству. Как следует из опыта разных стран, культура может выступить как экономический ресурс тогда, когда искусство становится неотъемлемой составляющей определенной локации, когда художественные практики наполняют социальное пространство новыми смыслами. Но встает вопрос — существует ли предел в заимствовании чужого опыта, будет ли он работать так же эффективно на отечественных просторах?

В значительной мере это зависит от понимания места искусства в обществе, его значения и, главное, от того, насколько наши рефлексии адекватны современным реалиям. Нужно исходить из того, что отношения искусства с социальной средой отнюдь не вневременного свойства. Искусство всегда делало наглядным, материализовало культурные интенции, социальные ожидания, эстетические предпочтения определенной эпохи. Бытование искусства, формы вовлечения в него исторически обусловлены. Однако мы зна-

ем, что до XX века не было сомнений в том, что в искусстве может существовать единый принцип воспроизводства — миметичность, то есть правдоподобное воспроизводство видимых жизненных форм, красоты мира, красоты человека — как физической, так и духовной. Это было абсолютно органичным для предыдущих эпох. В течение двух тысяч лет художники концентрировали свои усилия именно на поиске совершенных художественных форм, благодаря чему их произведения высоко ценились в обществе, а художники добивались признания и высокого социального статуса.

Но стоило им отказаться от миссии человеческих пастырей, носителей прекрасного и вечного и начать декларировать в качестве главного приоритета своего творчества право на личное видение мира, на собственное понимание красоты и на средства ее воспроизводства, миметичность, художественность, образность сразу же оказались лишними на этом пути. Учитывая способы воплощения замыслов, к которым прибегали представители различных течений авангарда — кубизма, супрематизма, абстракционизма и т.п. — такой отказ был вполне логичным шагом. Разумеется, наряду с авангардом продолжало существовать искусство, которое не отказывалось от устоявшихся принципов отображения. Можно даже считать достоянием XX века сосуществование многих творческих направлений, что создавало богатый и интересный художественный ландшафт. Поэтому включение в культуру на отечественном пространстве приобретает определенные специфические черты, связанные с особенностями развертывания художественного процесса в XX веке.

Но обратим внимание на трансформации, происходившие в художественном процессе, в частности с середины XX века, когда течения, объединенные определением “современное искусство”, стали играть заметную роль в культуре Запада. Они, так сказать, выходили на авансцену художественной жизни общества. Важным признаком такого положения дел можно считать то, что произведения представителей этого искусства начали воспринимать как выгодное и перспективное вложение денег. В последние десятилетия именно “современное искусство” рассматривается как наиболее эффективное “горючее” для реализации культуры как экономического ресурса.

Украинская культура в своем стремлении к евроинтеграции в ускоренном режиме пытается заимствовать опыт партнеров. Так с какими же вызовами она сталкивается на этом пути? Эти вызовы встречаются на всех направлениях художественной жизни, поэтому мы должны знать, как они отражаются и на художественном процессе, и на процессе потребления художественного продукта.

На отечественных просторах существует инерция насчет стремления видеть в искусстве инструмент для решения проблем общества, в частности использовать его в качестве транслятора определенных идей, средства формирования конкретных установок. Но эти стремления сталкиваются с реалиями функционирования искусства, с нынешними условиями доступа к художественному продукту и потребления его. Времена контролируемого доступа прошли, как и ограничения в доступе сугубо технического характера. Сегодня реципиент имеет возможности формировать репертуар художественных произведений по собственному вкусу. А вместе с этим утрачивается смысл рассматривать искусство как инструмент влияния. Нужно также напомнить о других функциях искусства, которые ранее считались

маргинальными, не заслуживающими внимания — развлекательной, гедонистической, релаксационной и других.

Общество, как и прежде, заинтересовано в том, чтобы художественная потребительская корзина была наполнена качественной продукцией и не только помогала человеку ориентироваться в реалиях времени, но и приумножала его потенциал как личности. Поэтому следует знать, как сегодня складываются у человека отношения с культурой, какие возможности он имеет для этого, в какой мере он осознает значимость этих отношений для себя. Кроме того, нужно знать, какие изменения происходят в формах общения и, главное, во включении человека в культурные процессы.

Ответы на эти вопросы можно получить путем опросов населения. В мониторинге “Украинское общество” 2016 года реципиентам предлагалось определить свое отношение к культуре, меру вовлеченности в нее, указать на наличие материальных факторов, которые обеспечивают или не обеспечивают возможности доступа к художественному продукту. Можно признать, что отмеченное ранее почтительное отношение к культуре украинцы подтверждают своими ответами. Так, оценивая степень важности культуры для национально-культурного возрождения, почти 75% респондентов ответили, что это скорее важно и очень важно. Таким же значимым для 74% наших граждан является вопрос “расширения культурного кругозора и приобщения к культурным ценностям через искусство, художественное творчество” [Українське суспільство, 2017].

Разумеется, и те респонденты, кто, скажем так, идет на встречу с культурой, посещая кинотеатры, концертные залы, выставочные площадки, то есть практикует активные формы общения с культурой, и те, кто потребляет художественный продукт, не выходя из дома, — и те, и другие приобщаются к культуре. Сами же респонденты, как можно понять из ответов, считают, что приобщение к культуре реализуется именно через активные формы общения с ней. Поэтому, пожалуй, так велика доля тех, кто считает, что никак не участвует в культуре, а именно 39%¹.

За последние десятилетия люди получили еще один мощный ресурс для удовлетворения своих художественных вкусов — интернет. Нужно отметить, что используется он весьма активно — свыше 32% респондентов находят здесь и слушают музыку, которая им нравится, просматривают художественные фильмы. Аналогично 11% опрошенных используют возможности интернета для поиска произведений художественной литературы. Конечно, это тоже можно отнести к разряду домашнего потребления, но и пассивным этот вид приобщения к культуре не назовешь, ведь реципиент сам ищет и находит произведения, которые соответствуют его вкусам.

В приобщении к культуре можно выделить разные измерения в отношении реципиента. Первый уровень — публичная сфера. Декларированием своего отношения к культуре человек демонстрирует обществу свою лояльность, приверженность значимым для общности ценностям. Как уже отмечалось, культура в отечественном пространстве всегда занимала особое место в мировоззренческой матрице, находясь на вершине ценностной иерархии. Большинство опрошенных демонстрируют, как мы убедились, свое по-

¹ Тут и далее автор приводит данные результатов Омнибуса Института социологии НАН Украины, проведенного в 2017 году.

нимание значимости культуры. Если же говорить о втором уровне, который касается практических действий, то здесь несколько иные показатели.

Нужно признать — реципиенты понимают, что доказательство наличия собственного понимания значимости ценностей культуры требует от человека не просто активности в потреблении культурного продукта, но и личных усилий, чувства ответственности за дело. Пожалуй, именно поэтому в блоке вопросов об участии в культуре позицию: “Принимаю активное участие в организации и проведении культурных мероприятий” отметили позитивно всего 4% опрошенных. Можно констатировать определенный дисбаланс между заявлениями и реальными действиями. Такое состояние дел не удовлетворяет активно настроенное творческое сообщество в Украине. Свои усилия они направляют именно на привлечение к культуре, к новациям в искусстве как можно большего числа людей, и не только в крупных городах, но и, что важно, в небольших городах и поселках. Можно говорить о возрождении культуртрегерства в современных условиях. Активисты, обращаясь к местному населению, пытаются находить общие для обсуждения темы и проблемы, используя различные формы общения и взаимодействия, в частности так называемые партисипативные практики.

Но есть и другая часть творческого сообщества, которая видит иные решения проблемы приобщения к искусству, включения в культуру. Их видение основывается на том, что нужно учитывать очевидные обстоятельства — изменения произошли во всех звеньях художественной жизни. Изменились условия создания художественного произведения, условия его доставки аудитории, реципиенту, изменились формы его потребления. Новые исторические, социальные, экономические условия диктуют иное отношение к искусству и его восприятие. Разумеется, каждое из названных изменений требует особого анализа. Но в данной статье внимание сосредоточено на тех решениях по приобщению к художественной культуре, которые предлагаются в условиях тотальных изменений. Понятно, что предложений немало, но если говорить о ведущей тенденции, то утверждается мысль, что путь пролегает через активное вхождение в жизнь современного искусства во всех его проявлениях — от иных художественных задач, иного художественного языка, иных форм художественного воплощения до иного отношения потребителя, иных потребностей и ожиданий от искусства.

То есть современное искусство рассматривается как определяющий фактор, как некий мостик вхождения в культуру нынешнего потребителя. Отсюда возникает много вопросов. Первый из них: что собственно считать современным искусством? Как отмечалось, современное искусство как конгломерат направлений возникло во второй половине XX века. То есть произведения иного художественного направления, которые появились в те годы, но форма которых соответствовала устоявшимся ранее взглядам на искусство, современным искусством не считались. Вокруг определений “современного искусства”, ценности его продукта не утихают бесконечные споры. Поражает диапазон оценок — от полного неприятия, насмешливого отношения как к шарлатанству до признания его непревзойденным достижением художественного процесса.

Как известно, неприятие новаций в искусстве — дело житейское. История искусства отмечена непрерывной борьбой старого с новым. Но в данном случае новое столь категорично отмежевывалось от старого, что борьбы собственно и не было. Тем более, что предлагаемые новым трендом невидан-

ные ранее художественные практики — перформансы, инсталляции, хепшенинги, реди-мэйд и т.п. — вообще ставили вопрос об искусстве как таковом.

Сегодня нет предвзятости к работам зарубежных теоретиков, которые соприкасаются с проявлениями современного искусства уже с середины прошлого века и давно занимаются проблемой, что считать искусством. “Что такое искусство? Что можно считать произведением искусства? Допустимо ли сегодня пользоваться этим термином?” — задается вопросами Галина Ельшевская в статье с многозначительным названием “Теория искусства на грани нервного срыва”. Что-то явно закончилось, но если кризис прогрессистских упований свидетельствует о переходе от современности к постсовременности, то не следует ли считать, что “на наших глазах, — цитирует Ельшевская слова бельгийского исследователя Тьерри де Дюва, — заканчивается — или окончательно не заканчивается — вовсе не искусство, а исторический диспозитив, назначивший искусство как имя собственное регулятивной идее” [Ельшевська, 2015].

Действительно, в регулятивной функции современное искусство трудно заподозрить. В нем не стоит искать глубинных смыслов, ценностных посланий. Это искусство о другом. А вот о чем? Это вопрос, на который тоже приемлемого для всех ответа нет.

Мировое признание представителей современного искусства как знаковых фигур в культуре последних десятилетий доказывает, что современное искусство во всех его проявлениях стало неотъемлемой частью культурной жизни. Вспомним хотя бы Энди Уорхола. То есть как бы мы ни относились к произведениям современного искусства — это реальность, занимающая в мире значительный сегмент художественной жизни.

Для отечественного потребителя эта реальность еще не стала повседневностью. Но в планах идеологов использования культуры в качестве ресурса ставка сделана в основном на легитимацию современного искусства как полноправной составляющей культуры и формирование соответствующего отношения к ней широкой аудитории. Рядовому зрителю, слушателю, чтобы воспринимать творения современных направлений как непреложный факт искусства, нужно в сжатые сроки пройти путь, который для западного потребителя начинался в далекие 50-е прошлого века и пролегал через совсем иные реалии культурной жизни, в иных социальных, экономических условиях. Добавлю еще одну очень существенную вещь. Западный потребитель руководствовался в общении с искусством совершенно иными эстетическими ожиданиями. Эстетическое не обязательно было отягощено моральными, этическими, социальными, гуманистическими измерениями. Поэтому произведения, в которых отсутствовал любой намек на миметичность, фигуративность, образность, воспринимались абсолютно спокойно. В жизненных стратегиях западной аудитории искусство как моральный авторитет, духовный поводырь даже не декларировалось.

Для нашего потребителя такое отношение к искусству пока что может формироваться только при наличии определенных усилий, на уровне рефлексий. Ведь нужно если не отказаться, то, скажем, пересмотреть привычные практики общения с искусством, понять, что они не единственно возможные, не универсальные. В сжатые сроки это нелегко сделать даже специалистам. Опять-таки потребитель должен осознать, что существуют другие правила в признании представленного творения, действия актом искусства. Среди множества суждений по этому поводу можно выделить институцио-

нальный подход. Он поражает простотой своего решения: все, что представлено на специальной площадке, — выставка, вернисаж, галерея и т.п. — и предложено зрителю, считается произведением искусства. Разумеется, это чрезвычайно удобный подход, ведь снимаются любые вопросы о совершенстве, мастерстве и др. Все, представленное для созерцания, прослушивания, считается относящимся к искусству.

Я не стану тут анализировать все предлагаемые подходы к определению искусства. Отмечу только, что отечественным теоретикам пришлось в последние два десятилетия преодолевать довольно высокие барьеры из устоявшихся взглядов, подходов, критериев, чтобы иметь возможность оценить новую художественную реальность, определиться с отношением к новым проявлениям искусства, к искусству как таковому.

В плоскости нашей темы важно определиться, каким образом современное искусство во всех своих разновидностях предстает пространством включения в культуру, при каких благоприятных условиях этот процесс оптимизируется.

Один из путей хорошо известен — это расширять, обогащать художественную компетенцию потребителя с тем, чтобы новые формы художественного творчества становились для него понятными, приносили эстетическое наслаждение. Но вряд ли такую задачу можно быстро решить. Имеем опыт советских времен, когда были написаны тысячи томов теоретических трудов, в которых обосновывалась важность эстетичного воспитания, изучались и предлагались пути эффективного внедрения в практику теоретических установок. Для воплощения этих планов, на реализацию программ эстетического развития, художественного образования были израсходованы значительные государственные средства. В итоге они были направлены именно на повышение культурной компетенции массового потребителя. Ведь считалось, что при условии развитых эстетических потребностей, художественного вкуса потребитель будет обращаться исключительно к произведениям высшего сорта и игнорировать художественно слабые произведения. Среди прочих задач, стоявших перед специалистами, — качество восприятия произведения. Было крайне важно, чтобы в процессе восприятия реципиент максимально полно “прочитал” все заложенные автором смыслы, интериоризировал ценностное наполнение произведения. Общение с произведением искусства рассматривалось как шаг на пути духовного обогащения. И все это было составной частью государственной программы формирования всесторонне развитой личности.

Достичь культурной компетенции на массовом уровне несмотря на все усилия не удавалось. Потребитель в выборе произведения руководствовался и существующими возможностями приобщения к искусству, и собственными потребностями и предпочтениями. Они далеко не всегда совпадали с экспертным мнением. К тому же не всегда реципиент мог постигнуть все заложенные смыслы, проникнуться их философской глубиной или адекватно воспринять усложненный художественно-образный язык. Впрочем, событийный ряд, морально-ценностные акценты, как правило, легко воспринимались. Это и понятно. Ведь отечественный потребитель в своей массе имел дело с искусством реалистическим, миметическим, фигуративным, образным, которое легко прочитать. Вместе с тем его жестко оберегали от авангардных течений, современных экспериментов. В теоретической мысли целенаправленно формировалось негативное отношение ко всем течениям не-

реалистической направленности. Как тогда говорили, ко всевозможным “измам”.

Последние десятилетия отмечены кардинально отличными тенденциями в культурной политике. Художественное пространство открыто для всех видов и течений искусства. Сегодня потребитель имеет возможность приобрести к любым его направлениям. Однако нужно признать, что путь к приятию современного искусства как обычного явления пролегает через другие каналы, не связанные с отношением к традиционному искусству. Пока что для нашего потребителя отношение к модерным и постмодерным достижениям как проявлениям искусства возможно только при наличии определенных усилий и на уровне рефлексий. Делая ставку на распространение современного искусства в массы, реформаторы из рядов деятелей искусства рассматривают это направление и как возможность сократить путь к овладению европейским опытом приобщения к культуре. Тем более, что этот опыт может помочь в приобщении к искусству разных слоев аудитории, наработке моделей сотрудничества с ними.

Руководитель отдела изобразительного и сценического искусства департамента культуры Мюнхена Марк Гегенфуртнер говорит, что их институт стремится поддерживать те проекты, которые объединяют разные аудитории. Это важно, ведь “они создают горизонтальные связи, из которых, в свою очередь, формируется социальная ткань, плотность которой в Украине сейчас, кажется, недостаточна” [Демченко, s.a.].

Руководитель проекта MUSA (Museum Startgalerie Artothek) Бертольд Эккер, который отвечает за развитие и репрезентацию современного искусства в Вене, считает принципиально важным, чтобы вход на площадки, где выставляются произведения современных художников, был бесплатным. “Это наша философия, — утверждает он, — все должно быть бесплатным, в том числе экскурсии, ведь мы хотим нести искусство публике. Если за вход нужно платить, многие дважды подумают, прежде чем пойти” [Кадыгроб, s.a.].

Как видим, усилия художников, культурных деятелей в значительной мере направлены на расширение аудитории современного искусства. Они считают, что именно признание этого сегмента творчества как ведущего в художественном пространстве является залогом успеха украинской культуры в ее вхождении в мировое культурное пространство. Следует отметить, что такие сдвиги, как изменения в эстетических вкусах рядового потребителя, — процесс длительный; потребуется не один год, прежде чем это может стать реальностью.

Нужно признать и то, что сегодня мейнстрим художественной жизни — это массовая культура. Классическое искусство, воплощающее образцы высокой художественности, и современное искусство, претендующее на взаимодействие с реципиентом на новых уровнях чувственности, в действительности находятся на флангах этого мейнстрима. Соответственно, их доли в потреблении художественного продукта не слишком велики.

Конечно, усилия по пропаганде современного искусства заслуживают поддержки, но не стоит надеяться на быструю переориентацию в предпочтениях и вкусах людей. Нужно помнить, что наши соотечественники в большинстве не имеют опыта восприятия искусства нереалистической направленности. Необходимо время, чтобы реципиент нашел для себя чувствительные точки соприкосновения в общении с новыми формами, практика-

ми, где эстетическое наслаждение и художественное совершенство утрачивают приоритетное значение.

Как же реализовать амбиционные планы по использованию культуры как эффективного экономического ресурса, как положительно настроить рядового украинца на новые художественные практики — движущую силу этого ресурса? Если массового потребителя весьма проблематично приобщить к принятию современного искусства *качественными* методами, то есть путем просвещения, то, по-видимому, нужно делать ставку на *количественные*. Количество — это то, чего можно достичь количеством городов, как крупных, так и малых, где силами активно настроенной творческой общественности создаются центры, артлабы, воркшопы, площадки для желающих не только узнать больше о современном искусстве и новых художественных практиках, но и попробовать свои силы на этой ниве, СМИ могут приобщиться к этому процессу, не только информируя о выставках, вернисажах различных направлений современного искусства, но и представляя их как значимые события в жизни города. Потребителю нужно привить мысль о высоком статусе необычных произведений, о престижности приобщения к ним. Это — некое новейшее мифотворчество о значении искусства.

Однако следует понимать, что это работа на перспективу. Пожалуй, не стоит ожидать быстрых результатов. Хотя в Украине уже есть достаточно примеров того, как наиболее активная часть сообщества работает на благо творческого развития городской среды. В работе над имиджем города активисты не ограничиваются внедрением в городское пространство ультрасовременных объектов. Они гармонично сочетают их со знаковыми для конкретного региона формами.

Рассматривать современное искусство как реальный фактор включения в культуру можно при условии, когда его будет воспринимать рядовой украинец как то, что, возможно, не совсем понятно, но уже стало неотъемлемой частью художественной жизни. То есть должен измениться культурный ландшафт в целом в стране и в отдельных городах — крупных и небольших.

Если попытаться оценить, какие возможности имеет сегодня украинец для вовлечения в культуру, в ее художественный сегмент, то увидим весьма пеструю картину. Что касается самого художественного контента, то препятствий для приобщения к любому направлению или стилю сегодня нет. Можно констатировать, что предложения превышают спрос. Многочисленные исполнители и группы приглашают на концерты, фестивали, вечера. Каждую неделю предложения обновляются. Кинопрокатчики анонсируют перечень новых фильмов, которые в ближайшее время должны выйти на экраны, работают театры, как стационарные, так и антрепризовые, идет активная гастрольная деятельность, приезжают звезды, в том числе и первой величины. Ну и, конечно, есть телевидение — телешоу разного рода, сериалы, занимающие почетное первое место у потребителей художественного продукта.

Пожалуй, единственным серьезным препятствием в приобщении к искусству сегодня является отсутствие средств у многих украинцев. Далеко не все могут позволить себе посетить концерты заезжих знаменитостей, радуется разнообразие предлагаемых изданий, но отпугивают цены. Вход на многочисленные фестивали обычно платный, и, например, для семьи с детьми такие затраты могут оказаться не по карману. То есть коммерциализация художественной деятельности, как и прочих сфер жизни, порой приводит к сужению круга потребителей. Возможно, ситуация выправится по мере улуч-

шения социально-экономической ситуации в стране, в результате повышения жизненного уровня украинцев.

Второй важный вопрос — чего ожидают реципиенты от встречи с искусством, какими потребностями они руководствуются, когда выбирают то или иное произведение того или иного вида искусства? При отсутствии предписаний касательно “правильного” выбора произведений, а тем более невозможности внешнего регулирования и отсутствия контроля контента, который выбирается для потребления, немало реципиентов рассматривают искусство как способ развлечения, досуга, получения позитивного эмоционального заряда, психологической разрядки от тягот повседневных забот. Если духовное обогащение посредством искусства все-таки было и остается в определенной мере проектом, то реальное удовлетворение потребностей, помогающих человеку выстоять в суровом бытии, психологически и эмоционально восстановиться, способствующих успешной жизнедеятельности, нужно рассматривать как огромное достижение общения с искусством.

Таким образом, включение в культуру можно рассматривать как неопценимую возможность придать смысл существованию человека, обогатить его жизнь яркими красками, которых часто недостает в повседневности. Есть также основания надеяться, что реализация возможностей культуры как экономического ресурса не только должна ускорить социально-экономическое развитие нашей страны, но и внести качественные изменения в жизнь каждого украинца.

Источники

Вільямс Т. Культура і креативність [Електронний ресурс]. — Режим доступу : <https://www.culturepartnership.eu/page/about> (s.a).

Демченко І. Досвід перетворень. Острови креативності змінюють Європу [Електронний ресурс] / Ілона Демченко // Українська правда. — 2016. — 31 берез. — Режим доступу : <http://life.pravda.com.ua/culture/2016/03/31/210295/>

Демченко І. Марк Гегенфуртнер: Не варто порівнювати вартість бронезилету і культурного заходу [Електронний ресурс] / Ілона Демченко // Українська правда. — 2015. — 12 листоп. — Режим доступу : <http://life.pravda.com.ua/culture/2015/11/12/203106>

Ельшевская Г. Теория искусства на грани нервного срыва / Ельшевская Галина // Новое литературное обозрение. — 2015. — № 5 (135). — С. 26–32.

Кадыгроб В. Директор MUSA: Реформы нужно начинать с культуры [Электронный ресурс] / Владимир Кадыгроб. — Режим доступа : <http://life.pravda.com.ua/society/2015/01/10/187367/> (s.a).

Платонова А. “На рівні національної безпеки”: культура як бізнес-кейс державного масштабу / Анастасія Платонова [Електронний ресурс] // Platforma. — Режим доступу : <http://culturepartnership.platfor.ma/volodimir-vorobei/> (s.a).

Тейлор К. Выйти на сцену: сколько стоит креативность и как она влияет вообще на все [Электронный ресурс] / Тейлор Катерина // Platforma. — Режим доступу : <http://platfor.ma/magazine/text-sq/opinion/kreativnye-dengi>(s.a).

Тубальцева В. Вільямс Тім: “Культура генерує приблизно 4% ВВП України і забезпечує більше робочих місць, ніж будівельна галузь” [Електронний ресурс] / Віра Тубальцева // LB.ua. — 2017. — 22 черв. — Режим доступу : https://lb.ua/culture/2017/06/22/369805_tim_vilyams_kultura_generuie.html.

Українське суспільство: моніторинг соціальних змін. Вип. 3 (17) / За ред. В.М.Ворони, М.О.Шульги. — К. : Ін-т соціології НАНУ, 2016. — 550 с.